**Политика российского государства в отношении инженерного образования
в первой четверти XIX в.: борьба либеральных и консервативных тенденций**

М. В. Добрынина¹, С. С. Никитина²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Академия управления Министерства внутренних дел РФ, Москва, Россия*

marin709@rambler.ru

Рассматриваются экономические, политические и идеологические факторы, обусловившие необходимость реформирования системы инженерного образования в России в начале XIX в. Отмечаются две основные тенденции развития инженерного образования и соответствующие им подходы: практико-ориентированный и профундаменталистский. Поскольку доминирование каждого подхода совпадает с определенным этапом политического развития страны, выделено два периода реформирования системы образования — либеральная модернизация и консервативный поворот в образовательной политике государства, нацеленный на охранительную функцию.

Ключевые слова: образовательная политика; инженерное образование; реформы; либеральная модернизация; консервативные тенденции; либеральные тенденции; академические свободы; рационализм; практико-ориентированный подход; профундаменталистский подход.

**The Policy of the Russian State in Relation to Engineering Education
in the First Quarter of 19th Century: the Struggle of Liberal and Conservative Trends**

M. V. Dobrynina¹, S. S. Nikitina²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Moscow, Russia*

marin709@rambler.ru

The authors consider the economic, political and ideological factors that conditioned the need to reform the system of engineering education in Russia in the early 19th century. They did mark two main trends of engineering education development and political approaches corresponding to them: practice-oriented and pro-fundamentalistic. As the dominance of each approach coincides with a certain stage of political development of the country, the authors did mark out two periods of the education system reforming: liberal modernization and conservative turn in the educational policy of the state, aimed at protective stabilization.

Keywords: educational policy; engineering education; reforms; liberal modernization; conservative tendencies; liberal tendencies; academic freedoms; rationalism; practice-oriented approach; pro-fundamentalist approach.

Выделение инженерного образования в отдельную образовательную отрасль состоялось в России в XIX в. В начале века развитие экономики характеризовалось становлением капиталистических экономических отношений, ростом внутреннего рынка, формированием финансового капитала, усложнением городской инфраструктуры, внедрением новых технологий в сельскохозяйственное и промышленное производство.

Для периода 1767—1825 гг. показательными индикаторами роста экономики: число промышленных предприятий в России выросло более чем в десять раз (с 498 в 1767 г. до 5261 в 1825 г.), а количество фабричных рабочих — почти в пять раз (с 45 тыс. в 1767 г. до 210 тыс. в 1825 г.). Интенсивными темпами шли процессы капитализации обрабатывающей и легкой промышленности. Россия продолжала оставаться аграрной страной, однако развитие промышленности и капиталистических предприятий обусловило формирование внутри феодального капиталистического уклада производственных отношений [1, с. 10—12; 2, с. 523; 3, с. 12; 4]. Соответственно, этап механизации «стал периодом становления инженерной профессии в социальном плане, обретением ею своего общественного статуса». На этом этапе «развитие машинного производства привело к тому, что рабочий стал “придатком машины”, окончательно лишившись функции рационализации технической деятельности. Она окончательно перешла к обособленной группе научно-образованных работников — инженерам» [5, с. 70; 6; 7].

Этот революционный переход в России мог быть совершен непосредственно благодаря реформированию системы образования. Необходимость реформы обуславливалась как экономическими, так и политическими факторами.

Экономические факторы. Отсутствие промышленного производства станков и инструментов, а также конструирующих

и обслуживающих их специалистов было основной причиной торможения экономического роста в начале XIX в. В силу этого обстоятельства большинство предприятий имели низкий уровень производительности труда [1, с. 14]. Историки отмечают важную государственную меру стимулирования промышленного роста — разрешение беспошлинного ввоза на территорию России сельскохозяйственных и промышленных машин (указ от 20 июля 1806 г.) [29]. Вместе с тем Указ не мог произвести системного макроэкономического эффекта, поскольку большинство капиталистических предприятий России по техническому оснащению и способу производства оставались мануфактурами [2, с. 511].

В России к началу XIX в. уже сложилось два промышленных центра: обрабатывающая промышленность была сконцентрирована в основном в европейской части страны, в то время как на Урале развивалось горнозаводское дело. Такая география промышленности сопровождалась несимметричным ростом темпов производства. Обрабатывающая промышленность развивалась быстрее горнозаводского дела, что было связано преимущественно с высокой себестоимостью и, соответственно, низкой конкурентоспособностью российской руды и железа, добываемых и производимых, в отличие от английских аналогов, экстенсивным способом, за счет ручного труда. Как отмечает Т. В. Тарасова, «развитие промышленности России в XIX в. отличалось неравномерностью. Так, к 30-м гг. XIX в. уральские заводчики стали опираться в своем производстве не на капитал и конкуренцию, а монополию и владельческие права, что незамедлительно привело к застойным явлениям в добывающих и обрабатывающих отраслях» [8]. В условиях промышленной революции в Англии и интенсификации производства «английская металлургия с 1770 г. по 1800 г., всего за 30 лет, скачкообразно

расширяет свою продукцию почти в пять раз, в то время как в России она не достигает за этот период даже уровня удвоения» [1, с. 12]. В России металлургия отстает в способах производства, в монопольном владении рудниками, поскольку используется принудительный крепостной труд, а техника примитивна [1, с. 11]. Вместе с тем развитие промышленных регионов изменяет карту кадровой потребности экономики страны: и обрабатывающая, и горнозаводская промышленность испытывают острую потребность в специализированных инженерных кадрах высокой квалификации.

Развитие внутренней торговли, рост внутреннего и внешнего рынков, капиталистический уклад в экономике, изменение способов производства, — все это приводит к увеличению внешнего товарооборота России: к 20-м гг. XIX в. товарооборот составляет 58 млн руб., что в два раза превышает показатели 90-х гг. XVIII в. Капитализация экономики сопровождается также урбанизацией, увеличивается количество городов и поселков городского типа, повышается их административная и экономическая значимость [1, с. 6; 9; 10, с. 286; 11, с. 93—126].

Развитие экономики России сопровождается развитием путей сообщения [1, с. 20]. Однако дорожная сеть строится намного медленнее, чем в европейских странах и, что особенно важно, чем того требует экономика России. В первую очередь строятся и совершенствуются водные пути сообщения: в начале XIX в. введено в строй несколько крупных каналов [3, с. 37—38]. В то же время для ряда регионов, в частности на юге России, главными путями сообщения остаются грунтовые дороги, качество и количество которых не отвечает требованиям растущего объема перевозок, а протяженность шоссейных дорог увеличивается крайне медленно [12, с. 263]. К строительству путей сообщения, помимо крепостных крестьян, привлекаются иностранные специалисты. Императив промышленной революции требует инженерного мышления и формирования кадров — технических специалистов (см., напр.: [13, с. 11]).

Все процессы, связанные с развитием промышленности, технологической инфраструктуры, стали причиной повышения престижа технической деятельности. Правительство предпринимает меры по институционализации инженерной профессии: в 1807 г. принято Положение об установлении новых разрядов заводских и фабричных мастеровых [14, с. 64—72], а в 1812 г. издан Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах, в сущности, облегчивший получение патента на изобретения отечественным специалистам [30]. Однако принятых мер оказалось недостаточно. В объективном ходе истории — развитие промышленности, городской инфраструктуры, активная внешняя политика России — незавершенность структуры образовательной системы, выстроенной предшественниками Александра I, явилась главным фактором осознания необходимости осуществления образовательной реформы.

Политические факторы. Если в XVIII в. мировоззренческий базис, определявший развитие науки и образования в Западной Европе, а затем и в России, составляли идеи раннего Просвещения (начало просветительской тенденции положили проевропейские реформы Петра I), то к началу XIX в. в развитых европейских странах распространяются идеи либерализма, рационализма и индивидуализма. В России, где более 90 % населения — крепостные крестьяне, либеральные идеи угрожают «новой смутой» в политической сфере и утратой собственности на землю и рабочую силу — в экономической сфере. В то время как западно-европейские государства проходят школу либеральной демократии, а западная наука рефлексировала такие понятия, как политическое равноправие, свобода личности, народный суверенитет, Россия остается самодержавным авторитарно-бюрократическим государством, попытки модернизации осуществляются исключительно сверху и с позиций просвещенного абсолютизма.

В начале XIX в. в Европе и Северной Америке либерализм становится идеологией экономической и политической

модернизации, а в России вопрос о модернизации по европейскому образцу решается просвещенной аристократией с позиции выбора «правильного пути». Аристократия разделяется на два лагеря — западников и славянофилов. Представители западничества, с присущими им либеральными идеологиями, отстаивают необходимость реорганизации общественной жизни в соответствии с опробованными западными образцами. Однако либеральная позиция никогда не занимала ведущего направления в политике России. В свою очередь славянофилы доказывают преимущества особого пути для России. Консерватизм в русской политической мысли XIX в. представлен гораздо шире — от социально-политических идеалов романтического консерватизма до официального реакционного монархического консерватизма министра народного просвещения С. С. Уварова, провозгласившего незыблемую формулу «Самодержавие. Православие. Народность». Символами русского консерватизма остаются идеи сильного государства, державности, национального единства на основе единоличной власти, порядка, общинной структуризации социума и соборности.

Некоторым отступлением от абсолютизма в Российской империи, где, как правило, побеждали консервативные тенденции, является начальный период правления Александра I, когда развитие либеральной идеологии получает мощный импульс. На мировоззрение императора влияет западная политическая мысль, поэтому либеральные идеи служат инструментом его политики в первые годы царствования. В 1801—1802 гг. впервые предпринимаются попытки перевести либеральные идеи в плоскость практической реализации. В день коронации, 15 сентября 1801 г., Александр собирает собрание «Всемилоштивейшую Жалованную Грамоту российскому народу», которая должна «привести народ деспотического государства к государству, наслаждающемуся свободной конституцией» [15, с. 158], помимо этого предполагается огласить Указ о даровании свободы

крестьянам. Сопротивление со стороны консервативных сил не позволяет монарху реализовать замысел.

Вместе с тем император понимает: чтобы сохранить власть, в которой «самодержавие ограничено только царевубийством», необходимо привести в соответствие с требованиями времени формы государственного управления и структуру социально-политических отношений, нейтрализовать противоречия в политической жизни и придать государственным учреждениям форму, обеспечивающую законность государственного управления, поскольку «существовавшая в стране система правления не соответствовала уже состоянию общественного духа в России и требовала внесения в нее серьезных коррективов» [16, с. 83].

Первым проводником еще не оформившихся либеральных взглядов выступает М. М. Сперанский. Его заслуга состоит не столько в теоретической разработке либеральных концепций, сколько в практическом воплощении принципов либерализма, которые он считал правильными и которые представлялись ему осуществимыми. На протяжении трех лет (1808—1811 гг.), по поручению императора, он разрабатывает три проекта государственных реформ. План государственных преобразований, представленный Сперанским к концу октября 1809 г., Ключевский охарактеризовал следующим образом: «“План” был кабинетным опытом русского правительства сделать для своего народа то, что на западе народы пытались сделать для себя вопреки своим правительствам» [17, с. 109]. Если либеральное направление политики Александра I реализует теоретик правоведения, законодворец, то традиции русского абсолютизма воплощаются в деятельности военного министра А. А. Аракчеева, которому поручена реформа артиллерии.

Особенности образовательной политики в первой половине XIX в. Итог реформ в образовательной сфере — становление двух основных тенденций и соответствующих им политических подходов, которые с начала XVIII в., чередуясь, сменяют друг друга.

Доминирование каждого подхода совпадает с определенным *этапом политического развития страны*. Первая тенденция — практико-ориентированный подход, или прагматический, — связана с форсированием развития специального профессионального образования, нацеленного на трансляцию специальных прикладных знаний. Как правило, прагматический подход сопровождает этапы политических модернизаций. Вторая тенденция — рационалистский подход, или профундаменталистский, нацелен на стимулирование развития академической науки, на распространение фундаментальных знаний и образование классического типа. «Широта охвата в университетском познании явлений объективной и научной реальности» в периоды доминирования второй тенденции, как правило, в периоды политических стабилизаций, качественно изменяет «подход к образовательному процессу и самой категории знания» [18, с. 76] в направлении утверждения ценности книжного знания, учения, учености.

Первый период образовательной реформы. Специфика образовательной политики царствования Александра I до 1812 г. заключается в интегрировании обоих подходов к реформированию системы образования. С одной стороны, за основу реформирования системы взят практико-ориентированный подход с ориентацией на создание сети учебных заведений разного уровня для подготовки специалистов различных профилей высокой квалификации. С другой стороны, вместе с реформированием сети специальных ведомственных учебных заведений государство форсирует развитие системы высшей школы и университетского образования.

Первый важнейший шаг новой образовательной политики Александра I: создание централизованного административного аппарата управления всеми сферами, в том числе образованием, — создание восьми министерств, в число которых вошло Министерство народного просвещения (МНП), учрежденное для «воспитания юношества и распространения наук» [31]. Поскольку

в его ведении — управление Академией наук, университетами и всеми общеобразовательными учебными заведениями, МНП становится государственным органом разработки и реализации реформы в области просвещения. Главное управление училищ при МНП издает «Предварительные правила народного просвещения» [32], в которых излагаются императивы, приоритеты и принципы новой системы образования. Основной целью образовательной системы России Правила объявляют «нравственное воспитание граждан, соответственно обязанностям и пользам каждого сословия» [32]. Образовательная система России структурируется на шесть округов, в каждом из которых учреждается сеть разноуровневых учебных заведений: приходские училища, уездные училища, губернские гимназии и университеты. Первые попечители учебных округов воплощают дух политики Александра I: это прекрасно образованные аристократы, крупные помещики, патриоты отечества, и вместе с тем — поклонники идеалов Просвещения, обладающие широкими либеральными взглядами на реформирование системы национального образования.

Учреждение министерств, реформирование финансовых ведомств, Сената имеют целью административную централизацию и системную управляемость ряда отраслей хозяйства и сфер жизни общества. Так, уже в первые десятилетия администрирования образования долго и трудно реализуется разделение полномочий по управлению учебными заведениями, учебными округами и системой образования в целом между административными единицами, территориально, а также в руководящем составе. Училища, Горный кадетский корпус и Форст-Институт переходят в 1802 г. в ведение Министерства финансов. В 1806 г. Берг-коллегию сменяет Горный департамент, в 1811 г. вместо него действует Департамент горных и соляных дел. Ведомство путей сообщения с 1802 г. входит в состав Министерства коммерции, которому подчиняется Институт инженеров путей сообщения, а в 1809 г., согласно Манифесту

от 20 ноября 1809 г., департаменты водного и сухопутного транспорта объединяются и передаются в ведение «Управления водяными и сухопутными коммуникациями». Управление подведомственными учебными заведениями локализуется при Штабе корпуса путей сообщения (создан в 1820 г.) [33, гл. 2, п. 1, 9—19]. Военному министерству подчиняются Главное инженерное училище и Артиллерийское училище.

Несомненно, что меры по разделению полномочий явились причиной роста бюрократического государственного аппарата, в том числе в сфере образования, и именно начало XIX в. принято считать периодом государственного сверхрегулирования в образовании. Уже в первые годы существования новой системы администрирования имеют место многочисленные трения и даже конфликты между руководством училищ и университетов, профессорским составом, с одной стороны, и чиновниками министерства народного просвещения — с другой. Трения по вопросам финансирования и материального обеспечения учебных заведений, кадровой политики, содержания учебных программ и планов, автономии образовательных учреждений. В эти годы Министерство стремится максимизировать контролирующие и регулирующие функции в отношении учебных заведений и образования в целом, при этом автономные права университетов часто игнорируются и даже попираются [19, с. 28; 34; 35; 36, с. 41; 37, с. 126]. Намечается тенденция к бюрократизации и формированию административно-бюрократического централизма в образовании. Нередко те учебные заведения, которые попали в круг интересов руководящих лиц, остаются в дальнейшем под их опекой и личным покровительством. Так, Институт инженеров путей сообщения в 1812 г. получил статус учебного заведения «в непосредственном попечении его Величества» [38]. Такая тенденция, с одной стороны, способствует повышению статуса учебного заведения, престижу инженерного образования, сокращению бюрократической волокиты. С другой стороны, при длительном

отсутствии императора решение многих текущих вопросов откладывается на неопределенный срок.

В институциональном аспекте политика в отношении инженерного образования интегрирует два направления:

1) унификацию профессиональных образовательных учреждений: выстраивание их по уровням в единую структуру административного управления;

2) верификацию учебных заведений: качественную подготовку за относительно короткий срок большого числа специалистов с учетом разнообразия технических специальностей.

Создаются новые профилированные учебные заведения. В частности, в 1804 г. при Инженерной Экспедиции открыта школа «для образования искусных инженеров, пионеров и саперов» [40]. Поскольку, несмотря на быстрое расширение контингента обучающихся, Инженерная школа не удовлетворяет потребностей в инженерно-технических кадрах, в 1810 г. осуществляется ее реорганизация в Инженерное училище, в соответствии с пожеланием Александра I о принятии мер «к содержанию комплекса инженерных чинов с познаниями, должными инженеру» [41, с. 152].

Помимо Инженерного училища, в 1809 г. в С.-Петербурге для Корпуса инженеров водных и сухопутных сообщений учрежден Институт Инженеров Корпуса Путей Сообщения. Институт должен подготавливать «особых исполнителей» [42] — высококвалифицированных инженеров технических специальностей для водяных и сухопутных путей сообщения [20].

Политика развития инженерного образования в России преемственна по отношению к образовательной политике XVIII в. еще и вследствие того, что инженерная профессия стратегически значима для государства с точки зрения решения военных задач. Так, Институт Инженеров Корпуса Путей Сообщения становится закрытым элитным учебным заведением военного типа и специализируется на компетенциях по разработке, организации строительства

и эксплуатации дорожных и гидротехнических сооружений всех типов: мостов, плотин, тоннелей, шоссе, портов, каналов [43; 44]. Дальнейшее развитие Института связано с необходимостью, во-первых, дать выпускникам элитное и качественное образование, «приличное военному положению и сходное с прочими учебными заведениями военного ведомства» [43, с. 61], во-вторых, построить узкопрофильное инженерное образование с практико-ориентированной системой подготовки кадров в Институте, подведомственном одному министерству, в общую систему просвещения и образования России [45; 46]. В следующие за правлением Александра I периоды развития Институт открывает двери для лиц недворянского происхождения [47].

Примечательно, что несмотря на стратегический статус, темпы развития системы инженерного образования продолжают отставать от темпов роста военных и экономических потребностей государства. Так, опыт Отечественной войны 1812 г. показывает, что армия, в которую призваны в том числе и выпускники Института Инженеров Корпуса Путей Сообщения, испытывает острейшую нехватку инженеров всех профилей, а мобилизованные специалисты имеют низкий уровень квалификации. На основании этого факта в 1819 г. учреждается Главное инженерное училище [48] — по сути высшее учебное заведение инженерного профиля. Руководящий состав ставит перед собой цель, в определенном смысле впервые в истории Российской Империи, — соотнести содержание учебного процесса, а именно учебные планы, программы дисциплин и методику их преподавания, — с динамикой изменений в науке, производстве, промышленности, военном деле. При утверждении учебного плана наблюдается столкновение двух позиций: практико-ориентированной и профундаменталистской, однако в итоге организация учебного процесса интегрирует оба подхода.

Второй период образовательной реформы. В следующий период царствования Александра I осуществляется реформирование,

оптимизация министерств, в соответствии с Указом от 1 января 1810 г. Указ предписывает «устройство министерств, ныне существующее, довершить разными дополнениями, кои по опыту прошлых лет признаны необходимыми» [49]. Существенно изменяется и общая направленность политики в отношении образования и просвещения: либеральные тенденции уступают место консервативным. В частности, сменяются попечители многих учебных округов; назначенный на должность министра народного просвещения в 1810 г. А. К. Разумовский придает большее значение духовно-нравственному воспитанию, чем массовому просвещению и воплощению в жизнь знаниевой концепции образования, опасаясь, что либерализация системы образования приведет к неконтролируемым политическим последствиям: «Россия наполнится бесчисленным множеством полужнаек, во сто крат худших самого невежества, ложных и горделивых умом, презирающих свою страну, вечных хулителей правительства, идолопоклонников всего ложного и чужеземного, всегда готовых низвергнуть все сущее» [21, с. 154].

В последние годы царствования Александра I тенденции либерализации общественной жизни фактически сходят на нет. Революционные события в Западной Европе, антинаполеоновские войны становятся катализатором консервативных тенденций [16; 22; 23]. По мнению российских консерваторов, революционные настроения в Европе, особенно сильные в среде студенчества, интеллигенции и просвещенной аристократии, являются следствием «отравления поколениями безбожного образования» [24, с. 147]. Поэтому продолжение развития российского образования консерваторы видят в свете реализации его охранительных функций, по отношению к абсолютистской политической системе. Соответственно, идеи Просвещения и европейского рационализма замещаются христианскими идеалами, государственно-центричной картиной мира и традиционными, так называемыми народными ценностями Православия.

Наиболее подробно новый курс политики в области образования изложен в Манифесте от 24 октября 1817 г. Этот кодифицированный акт объединяет Министерство народного просвещения, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий и Обер-прокуратуру Священного Синода — в орган управления образованием — Министерство духовных дел и народного просвещения [50]. Основная задача нового ведомства — насаждение «благочестия». Христианское смирение, благочестие и покорность, народный, прогосударственный патриотизм — ценности новой образовательной идеологии — рассматриваются императором и влиятельными вельможами как «противоядие» от идеалов либерализма, характерных для обучения в духе Просвещения и рационализма. При Главном правлении училищ создается Ученый комитет, его первостепенные функции — надзор за содержанием образования: за составом учебников, учебных пособий, планов и проектов [37, с. 32].

Сущность новой политики провозглашена А. С. Стурдзой в 1818 г. в Инструкции Ученому комитету. Стурдза артикулирует приоритет духовных наук, «поставленных во главу умственного здания» и «сопряженных нравственностью и теорией права с антропологическими науками», над науками о природе [51]. Инструкция вводит научную и образовательную цензуру: в ней содержится прямой запрет на публикацию в научных книгах и учебниках по географии, физике, химии, астрономии, биологии — научных гипотез, представляющих, с точки зрения автора Инструкции, «суетные и бесплодные догадки о происхождении и превращении шара земного», поскольку они порождают «умствования во вред истинам, не подлежащим опыту и раздроблению» [52]. В соответствии с новым политическим курсом, в университетах открываются кафедры богословия, а посещение лекций по теологии становится обязанностью студентов, поскольку, по мнению сановников, «глубокое невежество в Законе Божием омрачает юные сердца их, а чтение зловерных книг

и теорий мнимых философов прошлого века вселяет в них правила, пагубные для них самих и вообще для Государства» [53].

Свобода преподавания сменяется тотальным контролем за содержанием учебного процесса. Так, профессорско-преподавательский состав университетов, в соответствии с распоряжением Главного правления училищ в 1824 г., должен ежегодно представлять на одобрение лекции, «без каковых конспектов не может быть дозволено впоследствии ни одному профессору и самое преподавание» [54; 55]. Согласно Инструкции М. Л. Магницкого 1818 г., преподавание точных и естественных наук осуществляется на основе догматов Священного Писания [52]. Исторические источники сохранили текст лекции по математике, иллюстрирующий применение на практике указаний Магницкого: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая бога и человека, соединившего горное с дольным, небесное с земным» [37, с. 53—54]. Усиление надзора за содержанием преподаваемых дисциплин сопровождается ужесточением цензуры [25; 26; 27; 54, с. 123] и «чисткой» кадрового состава учебных заведений: либерально настроенные преподаватели объявляются неблагонадежными носителями «духа не весьма полезного» [56] и увольняются [54, с. 123—124; 57; 58; 59], с тем чтобы затем на их место «отыскать способных профессоров <...> дабы предпочтительно определяемы были из русских, а в случае недостатка, выписаны из чужих краев, но <...> по достоверным сведениям о нравственности их» [60]. В кадровой политике главным критерием оценки преподавательского состава становится не профессиональная компетентность или ученая степень, а политическая благонадежность, лояльность к администрации, вероисповедание и национальная принадлежность [54; 57; 61, с. 343].

Консервативные тенденции затрагивают и процессы интернационализации образования. Участие университетов Германии в национально-конституционном движении

послужило причиной признания их опасными. Вследствие этого русским студентам запрещается обучаться в четырех из этих университетов [62; 63]. Позднее издается Постановление Правительства, согласно которому прием иностранцев в российские университеты возможен только после одобрения Министра народного просвещения [28; 64].

Учебные заведения инженерного профиля не подвергаются такому разрушительному воздействию консервативных реформ, как университеты, по ряду причин — в силу ведомственного подчинения, опеки со стороны императора, особой специфики профессиональных образовательных программ. Однако система инженерного образования также реорганизуется: технические институты трансформируются в закрытые военизированные, по сути — среднеспециальные, учебные заведения, статус которых близок к кадетским корпусам. Ряд специальных учебных заведений инженерного профиля реорганизуются в общевоинские. Так, Сухопутный шляхетный кадетский корпус именуется Первым кадетским корпусом, а Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус — Вторым кадетским корпусом. Оба учебных заведения утрачивают статус специализированных по причине многопредметности, поскольку ориентированы на подготовку и офицеров, и гражданских чиновников [65; 66]. «Усиление» общеобразовательного и богословского предметных циклов приводит к значительному снижению качества специальной подготовки. Имеет место и милитаризация управления: администрирование ряда инженерных учебных заведений осуществляется военным ведомством, а на руководящие должности и в органы попечительства назначаются военные чиновники.

Таким образом, в образовательной политике Александра I можно выделить два периода реформы системы инженерного образования в России и соответствующие им тенденции.

Первый период — 1802—1816 гг. В идеологии реформ доминируют принципы рационализма, либерализма, академической

свободы, просвещения, секуляризации, интернационализации и европеизации образования. Администрирование осуществляется с ориентацией на построение единой централизованной, но либерально управляемой образовательной системы. В подходе к содержанию образования доминирует знаниевая концепция. В отношении связи с иностранными университетами преобладает императив интеграции России в европейскую систему просвещения.

Второй период — 1816—1826 гг. Имеет место консервативный поворот в реформировании образовательной системы. Преобладают консервативно-охранительные тенденции: ограничиваются академические свободы, усиливается зависимость всех уровней системы образования от политической воли, нарастают процессы сращивания образования и религиозной догматики, органы управления образованием усиливают надзор за идеологическими основами содержания образования. Снижение престижа профессиональной компетентности, ученых степеней — при повышении значимости политической лояльности — обуславливает незавершенность реформы системы образования первой четверти XIX в.

Литература и источники

Литература

1. *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX вв. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1956. 416 с.
2. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР: в 3 т. М.: Политиздат, 1956. Т. 1: Докапиталистические формации. 648 с.
3. *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / Акад. наук СССР; Ин-т истории. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 456 с.
4. *Яцунский В. К.* Крупная промышленность в России в 1790—1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сборник статей / Акад. наук СССР; Ин-т истории; под ред. М. К. Рожковой. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 118—220.
5. *Дятчин Н. И.* История развития инженерной деятельности и технического образования в процессе развития науки и техники // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68). С. 68—72.
6. *Шаповалов Е. А.* Общество и инженер: философско-социологические проблемы инженерной деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 183 с.

7. **Рудин А. В.** Профессиональному инженерно-техническому и военному образованию в России — 300 лет. М., 2000. 10 с. (Исторический аспект).
8. **Тарасова В. Н.** Высшая инженерная школа России: Последняя четверть XVIII в. — 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 50 с.
9. **Рындзюнский П. Г.** Утверждение капитализма в России 1850—1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.
10. **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство дореформенной России / Акад. наук СССР; Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.
11. **Рашии А. Г.** Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): стат. очерки / Под ред. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
12. Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сборник статей / Акад. наук СССР; Ин-т истории; под ред. М. К. Рожковой. М.: Соцэкгиз, 1959. 403 с.
13. История железнодорожного транспорта в России / Г. М. Фадеев [и др.]; под общ. ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина. СПб.; М.: Петербург. гос. ун-т путей сообщ., 1994. Т. 1: 1836—1917 / [С. В. Амелин, Ф. К. Бернгард, Г. И. Богданов и др.]. 335 с.
14. **Нисселевич Л. Н.** История заводско-фабричного законодательства Российской империи. СПб.: М-во фин., 1884. Ч. 2: Законодательство имп. Александра I. 359 с.
15. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 656 с.
16. **Искандеров А. А.** Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 82—101.
17. Либерализм в России. М.: ИФРАН, 1996. 451 с.
18. **Пирогов А. И., Растимешина Т. В.** Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 76—84.
19. **Берелевич Ф. Н.** Московский университет в 1800—1825 гг. // Ученые записки московского государственного университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940. (Юбил. сер.). [К 185-летию МГУ]. Вып. 50: Очерки по истории Московского университета / Под ред. И. Д. Удальцова [и др.]. Гл. 2. 95 с.
20. **Тарасова В. Н.** Транспортное инженерное образование в России в XIX—XX вв. М.: МИИТ, 1999. 113 [1] с.
21. **Хотенков В., Иванова Л.** «Из угождения к воле государя» // Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 148—156.
22. **Сахаров А. Н.** Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4. С. 24—39.
23. **Федоров В. А.** М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 254 с.
24. **Мартин А.** А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815—1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 145—151.
25. **Корбут М. К.** Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804/05-1929/30: в 2 т. Казань: Каз. ун-т, 1930. Т. 1. 209 с.
26. История Московского университета: в 2 т. / [Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 1755—1955]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. Т. 1: 1755—1917 / [Отв. ред. М. Н. Тихомиров]. 563 с.
27. **Зверев В. М.** Философия в России до и после «суда» над профессорами Петербургского университета (к проблеме общей закономерности духовной жизни русского общества первой трети XIX века) // Вестник Ленинградского университета: Экономика. Философия. Право. 1969. № 5. С. 97—106.
28. **Оболенская С. В.** Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102—116.

Источники

29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ I). Т. XXIX. № 22222.
30. ПСЗ I. Т. XXXII. С. 355—356.
31. ПСЗ I. Т. XXVII. № 20406.
32. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 1. Санкт-Петербург, 1875—1876 (Сборник постановлений по МНП. СПб., 1875). С. 21—22.
33. История Института инженеров путей сообщения Императора Александра I-го за первое столетие его существования. 1810—1910 / Сост. инж. путей сообщения А. М. Ларионов. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. VIII, 409 с.
34. РГИА. Ф. 732. Оп. 2. Ед. хр. 12295. Л. 7.
35. РГИА. Ф. 73. Оп. 95. Д. 187. Лл. 1—16.
36. **Багaley Д. И., Сумцов Н. В., Бузескул В. П.** Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1906. XIV, 329 с.
37. **Сухомятинов М. И.** Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Т. 2. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского в СПб., 1866. 229 с.
38. РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 522. Лл. 216—216 об.
39. ПСЗ I. Т. XXVI. № 19711.
40. ПСЗ I. Т. XXVIII. № 21228.
41. **Фабрициус И.** Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I / Сост. И. Фабрициус. Очерк 1. Инженерное управление и его средства. Санкт-Петербург: тип. Спб. акц. о-ва печ. и писчебумаж. дела в России «Слово», 1903. 578 с.
42. ПСЗ I. Т. XXX. № 23996.
43. Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798—1898). СПб: тип. М-ва путей сообщ., 1898. VIII, 221 с., 6 л. карт.
44. Пятидесятилетие Института и Корпуса инженеров путей сообщения: Ист. очерк, сост. Евг. Соколовским. СПб: тип. торг. д. С. Струговщикова, Г. Похитоновна, Н. Водова и К°, 1859. XVI, 149 с.
45. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ II). Т. IV. № 2941.
46. ПСЗ II. Т. XIX. № 30719.
47. ПСЗ II. Т. XXXI. № 30719.
48. Исторический очерк развития Главного инженерного училища, 1819—1869 / сост. при Николаевской инженерной акад. М. Максимовским. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1869. IV, VI, 208, 183 с., [13] л. ил., портр.

49. ПСЗ. Т. XXXI. № 1780.
50. Сборник постановлений по МНП. Т. 1. СПб., 1875. С. 1058—1096; там же. Т. 1. СПб., 1864. С. 971.
51. РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Ед. хр. 8 20014. Л. 8.
52. РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Ед. хр. 20014. Л. 14.
53. РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. Л. 23. Об-24.
54. **Рожественский С. В.** Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 / сост. С. В. Рожественский. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. II, 785, [4] с. 126, 127.
55. ЛГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 453. Лл. 1—2.
56. РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. Л. 25.
57. **Григорьев В. В.** Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка / сост. по поручению Совета Ун-та ординарным проф. по Каф. истории Востока В. В. Григорьевым. Санкт-Петербург: в Тип. В. Безобразова, 1870. 432, 96, СХХII, 15 с.
58. **Устрялов Н. Г.** Петербургский университет в 20-х гг. // Исторический вестник. 1884. С. 130.
59. **Рославский-Петровский А. П.** Русские университеты и «университетский вопрос» г-на Пирогова. Харьков, 1864. 68 с.
60. РГИА Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. Л. 196.
61. **Петухов Е. В.** Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования. (1802—1902): Ист. очерк: Т. 1: Первый и второй периоды (1802—1865). Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1902. 4, 605, 39 с.
62. Сборник постановлений по МНП. Т. 1. СПб., 1875. С. 1522, 1541.
63. РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 301. Л. 96.
64. **Загоскин Н. П.** Из времен Магницкого: Страница из истории Казан. ун-та 20 гг. Казань: Тип. т-ва Печенкина и К°, 1894. 25 с.
65. ПСЗ I. Т. XXVII. № 20975.
66. ПСЗ I. Т. XXVIII. № 21675.
2. Lyashchenko P. I. Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR, v 3 t. (History of National Economy of the USSR, in 3 Vols.), M., Politizdat, 1956, T. 1, Dokapitalisticheskie formatsii (Vol. 1, Pre-Capitalistic Formations), 648 p.
3. Predtechenskii A. V. Ocherki obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii v pervoi chetverti XIX veka (An Outline of Socio-Political History of Russia in the First Quarter of 19th Century), Akad. nauk SSSR, In-t istorii, M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957, 456 p.
4. Yatsunskii V. K. Krupnaya promyshlennost' v Rossii v 1790—1860 gg. (Large-Scale Industry in Russia, 1790 to 1860), *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka, sbornik statei*, Akad. nauk SSSR, In-t istorii, pod red. M. K. Rozhkovoi, M., Sotsekgiz, 1959, pp. 118—220.
5. Dyatchin N. I. Istoriya razvitiya inzhenernoi deyatel'nosti i tekhnicheskogo obrazovaniya v protsesse razvitiya nauki i tekhniki (The History of Engineering and Technical Education in the Development of Science and Technology), *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 4-3 (68), pp. 68—72.
6. Shapovalov E. A. Obshchestvo i inzhener: filosofsko-sotsiologicheskie problemy inzhenernoi deyatel'nosti (Society and Engineer: Philosophical and Sociological Problems of Engineering), L., Izd-vo LGU, 1984, 183 p.
7. Rudin A. V. Professional'nomu inzhenerno-tekhnicheskomu i voennomu obrazovaniyu v Rossii — 300 let (300th Anniversary of Professional Engineering and Technical Education), M., 2000, 10 p., Istoricheskii aspekt.
8. Tarasova V. N. Vysshaya inzhenernaya shkola Rossii: Poslednyaya chetvert' XVIII v. — 1917 g., avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk (Higher Engineering School of Russia: Last Quarter of 18th Century to the Year 1917, Extended Abstract of Doctoral Dissertation in History), M., 2000, 50 p.
9. Ryndzyunskii P. G. Utverzhdenie kapitalizma v Rossii 1850—1880 gg. (Establishment of Capitalism in Russia, 1850 to 1880), M., Nauka, 1978, 295 p.
10. Ryndzyunskii P. G. Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii (Urban Citizenship in Prereform Russia), Akad. nauk SSSR, In-t istorii, M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, 559 p.
11. Rashin A. G. Naselenie Rossii za 100 let (1811—1913 gg.), stat. ocherki (Russian Population within 100 Years (1811 to 1913), Statistical Outlines), Pod red. S. G. Strumilina, M., Gosstatizdat, 1956, 352 p.
12. Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka, sbornik statei (An Outline of Russian History in the First Half of 19th Century, A Collection of Papers), Akad. nauk SSSR, In-t istorii, pod red. M. K. Rozhkovoi. M.: Sotsekgiz, 1959. 403 s.
13. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta v Rossii (History of Railway Transport in Russia), G. M. Fadeev et al., pod obshch. red. E. Ya. Kraskovskogo, M. M. Uzdina, SPb., M., Peterburg. gos. un-t putei soobshch., 1994. T. 1: 1836—1917, by S. V. Amelin, F. K. Berngard, G. I. Bogdanov et al., 335 p.
14. Nisselovich L. N. Istoriya zavodsko-fabrichnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii (History of Factory-and-Work Legislation in Russian Empire), SPb., M-vo fin., 1884, Ch. 2, Zakonodatel'stvo imp. Aleksandra I (Part 2, Legislation under Emperor Alexander the First), 359 p.

Поступила после доработки 11.03.2019

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Российская Федерация, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marin709@rambler.ru

Никитина Светлана Сергеевна — доктор политических наук, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел Центра командно-штабных учений Академии управления Министерства внутренних дел РФ (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), s.s.nikitina@inbox.ru

References and Sources

References

1. Okun' S. B. Ocherki istorii SSSR. Konets XVIII — pervaya chetvert' XIX vv. (An Outline of History of the USSR. Late 18th to First Quarter of 19th Century), L., Uchpedgiz, Leningradskoe otделение, 1956, 416 p.

15. Politicheskaya istoriya: Rossiya — SSSR — Rossiiskaya Federatsiya, v 2 t. (Political History: Russian — USSR — Russian Federation), M., TERRA, 1996, T. 1, 656 p.
16. Iskanderov A. A. Rossiiskaya monarkhiya, reformy i revolyutsiya (Russian Monarchy, Reforms and Revolution), *Voprosy istorii*, 1999, No. 11–12, pp. 82–101.
17. Liberalizm v Rossii (Liberalism in Russia), M., IFRAN, 1996, 451 p.
18. Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. Internatsionalizatsiya obrazovaniya v kontekste formirovaniya edinogo obshcheevropeiskogo obrazovatel'nogo prostranstva (Internationalization of Education within the Framework of Europe's Common Education Space Formation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 1 (5), pp. 76–84.
19. Berelevich F. N. Moskovskii universitet v 1800–1825 gg. (Moscow University in the Years 1800 to 1825), *Uchenye zapiski moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1940, Anniversary Issue, K 185-letiyu MGU, Vyp. 50, Ocherki po istorii Moskovskogo universiteta (An Outline of Moscow University History), Pod red. I. D. Udaltsova et al., Chapter 2, 95 p.
20. Tarasova V. N. Transportnoe inzhenernoe obrazovanie v Rossii v XIX–XX vv. (Transport and Engineering Education in 19th to 20th Century Russia), M., MIIT, 1999, 113, 1 p.
21. Khotenkov V., Ivanova L. “Iz ugozhdeniya k vole gosudarya” (Out of Compliance to the Will of Monarch), *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 1999, No. 5, pp. 148–156.
22. Sakharov A. N. Aleksandr I i Arakcheev (Alexander the First and Arakcheev), *Otechestvennaya istoriya*, 1998, No. 4, pp. 24–39.
23. Fedorov V. A. M. M. Speranskii and A. A. Arakcheev, M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1997, 254 p.
24. Martin A. A. S. Sturdza i “Svyashchennyi soyuz” (1815–1823 gg.) (A. S. Sturdza and the Holy Alliance (1815 to 1823)), *Voprosy istorii*, 1994, No. 11, pp. 145–151.
25. Korbut M. K. Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Ul'yanova-Lenina za 125 let 1804/05–1929/30, v 2 t. (Kazan State University Named after V. I. Ul'yanov-Lenin within 125 Years, 1804–1805 to 1929–1930, in 2 Vols.), Kazan', Kaz. un-t, 1930, T. 1, 209 p.
26. Istoriya Moskovskogo universiteta, v 2 t. History of Moscow University, in 2 Vols.), Mosk. ordena Lenina gos. un-t im. M. V. Lomonosova. 1755–1955, M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1955, T. 1, 1755–1917, Otv. red. M. N. Tikhomirov, 563 p.
27. Zverev V. M. Filosofiya v Rossii do i posle “suda” nad professorami Peterburgskogo universiteta (k probleme obshchei zakonomernosti dukhovnoi zhizni russkogo obshchestva pervoi treti XIX veka) (Philosophy in Russia before and after “Trial” of Petersburg University Professors (To the Problem of Common Pattern of Spiritual Life in Russian Society of First Third of 19th Century)), *Vestnik Leningradskogo universiteta: Ekonomika. Filosofiya. Pravo*, 1969, No. 5, pp. 97–106.
28. Obolenskaya S. V. Nemtsy v glazakh russkikh XIX v.: cherty obshchestvennoi psikhologii (The Germans as Seen by 19th Century Russians: Social Psychology Pattern), *Voprosy istorii*, 1997, No. 12, pp. 102–116.

Sources

29. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (PSZ I). T. 29. No. 22222.
30. PSZ I. T. 32. Pp. 355–356.
31. PSZ I. T. 27. No. 20406.
32. Sbornik postanovlenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 2-e izd. T. 1. Sankt-Peterburg, 1875–1876 (Sbornik postanovlenii po MNP. SPb., 1875). Pp. 21–22.
33. Istoriya Instituta inzhenerov” putei soobshcheniya Imperatora Aleksandra I-go za pervoe stoletie ego sushchestvovaniya. 1810–1910 (History of Railway Engineering Institute Named after Alexander the First within First Centenary of its Existence), Sost. inzh. putei soobshcheniya A. M. Larionov”. SPb., Tip. Yu. N. Erlikh”, 1910. viii, 409 p.
34. RGIA. F. 732. Op. 2. Ed. khr. 12295. L. 7.
35. RGIA. F. 73. Op. 95. D. 187. Ll. 1–16.
36. Bagalei D. I., Sumtsov N. V., Buzeskul V. P. Kratkii ocherk istorii Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (Short Outline of History of Kharkiv University within First Centenary of its Existence), Khar'kov, Tipografiya Adol'fa Darre, 1906. xiv, 329 p.
37. Sukhomlinov M. I. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (Materials for Russian Education History during the Rule of Emperor Alexander the First), T. 2, SPb., Tip. F. S. Sushchinskogo v SPb., 1866, 229 p.
38. RGIA. F. 159. Op. 1. D. 522. Ll. 216–216 ob.
39. PSZ I. T. 26. No. 19711.
40. PSZ I. T. 28. No. 21228.
41. Fabritsius I. Voenno-inzhenernoe vedomstvo v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (Military and Engineering Establishment during the Rule of Emperor Alexander the First), Sost. I. Fabritsius. Ocherk I. Inzhenernoe upravlenie i ego sredstva (Outline I. Engineering Administration and its Means), Sankt-Peterburg, tip. Spb. akts. o-va pech. i pischebumazh. dela v Rossii “Slovo”, 1903, 578 p.
42. PSZ I. T. 30. No. 23996.
43. Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya i deyatelnosti vedomstva putei soobshcheniya za 100 let ego sushchestvovaniya (1798–1898) (Short Historical Outline of Development and Activities of Railway Establishment within 100 Years of its Existence), SPb, tip. M-va putei soobshch., 1898. viii, 221 p., 6 l. kart.
44. Pyatidesyatiletie Instituta i Korpusa inzhenerov putei soobshcheniya: Ist. ocherk (Semicentenary of Institute and Site of Railway Engineers), sost. Evg. Sokolovskim. SPb, tip. torg. d. S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K', 1859. xvi, 149 p.
45. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (PSZ II). T. 4. No. 2941.
46. PSZ II. T. 19. No. 30719.
47. PSZ II. T. 31. No. 30719.
48. Istoriicheskii ocherk razvitiya Glavnago inzhenernago uchilishcha, 1819–1869 (Historical Outline of Chief Engineering School, 1819 to 1869), sost. pri Nikolaevskoi inzhenernoi akad. M. Maksimovskim, SPb., Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1869. iv, vi, 208, 183 p, 13 l. il., portr.
49. PSZ. T. 31. No. 1780.

50. Sbornik postanovlenii po MNP. T. 1. SPb., 1875. Pp. 1058—1096; Ibid. T. 1. SPb., 1864. Pp. 971.
51. RGIA. F. 734. Op. 1. Ed. khr. 8 20014. L. 8.
52. RGIA. F. 734. Op. 1. Ed. khr. 20014. L. 14.
53. RGIA. F. 733. Op. 39. D. 259. L. 23. Ob-24.
54. Rozhdestvenskii S. V. Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802—1902 (Historical Survey of Activities of Ministry of Education. 1802 to 1902), sost. S. V. Rozhdestvenskii, SPb., M-vo nar. prosveshcheniya, 1902. ii, 785, 4 p., 126, 127.
55. LGIA. F. 14. Op. 1. D. 453. Ll. 1—2.
56. RGIA. F. 733. Op. 39. D. 259. L. 25.
57. Grigor'ev V. V. Imperatorskii Sankt-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya: istoricheskaya zapiska (Imperial Saint Petersburg University during First Fifty Years of its Existence: Historical Sketch), sost. po porucheniyu Soveta Un-ta ordinarnym prof. po Kaf. istorii Vostoka V. V. Grigor'evym, Sankt-Peterburg, v Tip. V. Bezobrazova, 1870, 432, 96, cxxii, 15 p.
58. Ustryalov N. G. Peterburgskii universitet v 20-kh gg. (Petersburg University in the 20s), *Istoricheskii vestnik*, 1884, p. 130.
59. Roslavskii-Petrovskii A. P. Russkie universitety i "universitetskii vopros" g-na Pirogova (Russian Universities and "University Question" of Mr. Pirogov), Khar'kov, 1864, 68 p.
60. RGIA F. 733. Op. 39. D. 259. L. 196.
61. Petukhov E. V. Imperatorskii Yur'evskii, byvshii Derptskii universitet za sto let ego sushchestvovaniya. (1802—1902), Ist. ocherk, T. 1, Pervyi i vtoroi periody (1802—1865) (Imperial Yuriev's, Former Derpt's. University within Hundred Years of its Existence (1802 to 1902), Hist. Sketch, Vol. 1, First and Second Periods (1802 to 1865), Yur'ev, Tip. K. Matissena, 1902. 4, 605, 39 p.
62. Sbornik postanovlenii po MNP. T. 1. SPb, 1875. Pp. 1522, 1541.
63. RGIA. F. 733. Op. 56. D. 301. L. 96.
64. Zagoskin N. P. Iz vremen Magnitskogo: Stranichka iz istorii Kazan. un-ta 20 gg. (From Magnitsky Times: a Page of Kazan University History, the 20s), Kazan', Tip. t-va Pechenkina i K°, 1894, 25 p.
65. PSZ I. T. 27, No. 20975.
66. PSZ I. T. 28, No. 21675.

Submitted after updating 11.03.2019

Dobrynina Maria V., Candidate of Political Science, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), marin709@rambler.ru

Nikitina Svetlana S., Doctor of Political Sciences, Professor at the Department for Organizing the Activities of Internal Affairs Agencies of the Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (8, Z & A Kosmodemyanskikh street, Moscow, 125171, Russia), s.s.nikitina@inbox.ru